

Никонов В.А.*

Логика Путина**

Завершающаяся президентская избирательная кампания, обещавшая и все еще обещающая стать наиболее бурной и митинговой в современной российской истории, как это ни странно, оказалась и одной из наиболее содержательных. В ходе нее – наверное, впервые – обсуждались не только качества кандидатов и их предвыборных роликов, не только их взаимные претензии и количество сторонников на площадях, но и программа на будущее. Не то, чтобы все кандидаты такую программу предложили. Оказалось достаточно, чтобы это сделал один из них, обладающий всеми шансами на успех – Владимир Путин. Каждая из последних недель открывалась его программной статьей, посвященной одному из крупных аспектов российской политики, шире, жизни страны.

Статьи вызвали массу вопросов и споров. Кому-то он показались слишком длинными и непонятными для простого обывателя. Кому-то набором несбыточных обещаний. Путин действительно обращался не к обывателям, а к гражданам. Это были действительно не простые для восприятия статьи, адресованные, в первую очередь, тому самому думающему – интеллектуальному, среднему – классу, ко-

* *Никонов Вячеслав Алексеевич* – депутат Государственной думы РФ, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова

** В сокращенном виде статья опубликована в «Независимой газете» 29.02.2012
URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-02-29/9_logic.html

торый частично выходил на митинги протеста против председателя правительства. И это не был набор обещаний.

Часто звучал вопрос: почему эти программные положения Путин не мог реализовать раньше, находясь у власти? Задавали его и эксперты-политологи на встрече в Ново-Огарево в прошлом месяце. Ответ прозвучал приблизительно так: либо проблема еще остро не стояла, либо денег не было. Действительно, некоторые проблемы – причем, как очень неприятные, так и вполне приятные – десять лет назад отсутствовали или были не актуальны. Например, действовал российско-американский Договор по ПРО, и не надо было думать, как противодействовать размещению компонентов противоракетной обороны США у наших границ. Или, десять лет назад не было серьезной нехватки мест в детских садах, поскольку количество дошколят было рекордно низким за всю нашу историю, а сейчас их стало гораздо больше.

И, конечно, у страны сегодня совсем другие финансовые возможности, чем в конце 1990-х. Размер имеет значение. Особенно размер экономики. После дефолта наш ВВП составлял приблизительно 300 млрд. долл., меньше чем в Бельгии с ее десятиллионным населением. Это означало среднедушевой доход в размере чуть больше 2 тыс. долл., а средняя зарплата (если ее вообще платили) составляла около 80 долл. в месяц. Мы сильно отставали по уровню жизни от любой европейской страны. Дефолт означал, помимо прочего, отсутствие золотовалютных резервов.

Посмотрим на обзор мировой экономики в 2012 году, который ежегодно делает авторитетный лондонский журнал «The Economist». Он оценивает ВВП России в 1,926 трлн. долл. по обменному курсу и в 2,5 трлн. по паритету покупательной способности рубля. Россия – в

расчете по ППС – уже обошла Францию и Великобританию. Конечно, это далеко еще не означает французского или английского уровня жизни. Но и по показателям ВВП на душу населения Россия здорово продвинулась вперед: сейчас этот показатель достигает 13,65 тыс. долл. (17,75 тыс. – по ППС). Это заметно больше, чем, скажем, в Болгарии, Румынии, Турции, Латвии. Не говоря уже об Украине, где душевой ВВП измеряется скромными 3,86 тыс. Средняя зарплата в России приближается к 1 000 долл. Золотовалютные резервы в размере полутриллиона долларов являются третьими на планете, уступая только китайским и японским. В мире, где главным фактором нестабильности все больше становится накопление долгов и бюджетных дефицитов, Россия выглядит весьма выигрышно. Если средний долг развитых стран приближается к 100% от их ВВП, а в Японии даже перевалил за 200%, у нас этот показатель меньше 10%. Даже бюджет прошлого – сложного – года был сведен с профицитом. И растет наша экономика (на 4–5% в год) пусть и не так быстро, как в Китае или Индии, но заметно быстрее, чем в любой западной стране. То есть, сейчас деньги есть.

Так и слышу, как читатель произносит: «При чем здесь власть – цены на нефть!» Кто бы спорил, от цены на энергоносители у нас еще слишком много зависит, прежде всего, бюджетные поступления. Хотел бы, в то же время, обратить внимание на ряд обстоятельств, которые редко замечают. Во-первых, в структуре российского ВВП на энергетический сектор приходится не более 17%. Остальная часть создается в других отраслях и не без правительственного участия. Во-вторых, рекордные темпы роста российской экономики в первые два срока президентства Путина – в среднем 7% в год на протяжении 8 лет – были достигнуты при ценах на нефть, которые гораздо ниже

нынешних. В-третьих, если мы сравним экономическую динамику России и других крупнейших нефтедобывающих стран – Саудовской Аравии, Венесуэлы – за последние 10 лет, то обнаружим, что у нас она гораздо лучше. Политика правительства имеет значение.

Это вовсе не значит, что в экономической политике все идеально. Эффективность инвестиций мала. Мне очень сложно понять, почему в нулевые годы так мало средств тратилось на самые приоритетные для всего остального мира сферы – инфраструктуру и в человеческий капитал: в скоростные магистрали и аэропорты, в современные больницы и университетские кампусы. От Алексея Кудрина я слышал, что подобные инвестиции неэффективны, так как их разворуют, и они вызовут инфляцию. Если для реализации крупных инфраструктурных проектов надо ждать полной победы над коррупцией, то страна дорог может не дожидаться никогда. Надо не мириться с воровством, а налаживать контроль за строительством. И почему больше нигде в остальном мире ассигнования на развитие инфраструктуры и человеческого капитала не вызвали инфляции? То, что их не развивали в прошлом десятилетии, на мой взгляд, означает только то, теперь они должны стать приоритетными вдвойне. И программа Путина это предусматривает.

В ней вообще весьма прагматичный и новаторский подход к социально-экономической стратегии. Структура экономики, а значит и занятости, начиная с советских времен, определялась приоритетами государственной политики, развивались те отрасли, которые государство считало – по тем или иным причинам – важными. Сейчас это уже не получится, хотим мы того или нет. Если правительство пожелает масштабно развивать промышленность, оно не найдет достаточного количества квалифицированных специалистов. Молодые люди стремятся получить высшее образование, и нам нужна такая структура

экономики, которая исходила бы из необходимости трудоустроить их по специальности. Для этого требуется экономика знаний, позволяющая производить растущую долю национального продукта в сферах инноваций, НИОКР, образования, финансов, торговли, услуг, творчества. Именно они и получают наибольшее развитие.

Социальные проблемы носят для России поистине экзистенциальный характер. В мире еще не было прецедента, чтобы на одной восьмой части суши, где находится 30–40% мировых ресурсов, проживало чуть больше 2% населения планеты. Путин достаточно четко показал развилку, перед которой мы стоим. По авторитетным прогнозам, если ничего не делать, население к середине века может сократиться с нынешних 142 млн. человек до 107-ми, и тогда даже удержать территорию будет крайне сложно. А можно принять меры, и тогда мы имеем шанс увеличить население (хотя еще одна демографическая яма нас явно ждет, когда в активный детородный возраст вступит поколение, родившееся в 1990-е).

Демография состоит из трех вещей: рождаемости, смертности и демографии. Рождаемость впервые за двадцать лет идет в гору. Ее стимулирует материнский капитал, к которому премьер предложил добавить доплату за третьего ребенка. Впрочем, проблема здесь не столько материальная, сколько относящаяся к сфере культуры, особенно, культуры большой семьи. Смертность тоже сокращается. Здесь ключевое значение имеют программы совершенствования здравоохранения, возвращения всеобщих диспансеризаций, превращение в норму здорового образа жизни. Однако в России есть и специфический аспект смертности: она зашкаливает среди молодых мужчин – стресс, пьянство, наркотики, разборки, войны, автокатастрофы. Многие погибают еще до того возраста, когда им могут понадобиться ус-

луги здравоохранения. Это – проблема социальная, связанная с решением целого комплекса вопросов: от занятости до качества дорог. Что же касается миграции, то Путин назвал цифру – 300 тысяч человек в год, приезд которых в страну необходим, чтобы население росло. При этом, стране не безразлично, что это будут за люди. Оптимально, чтобы это были представители русской (не в этническом смысле этого понятия) культуры, знающие наши обычаи и следующие нашим законам. Проблемы, связанные с эмигрантами, остры везде, но ни одна из развитых стран без нее не обходится.

В последние годы сделано не мало для образования, прежде всего, среднего (спор вокруг ЕГЭ, принципиальным противником которого не являюсь, оставляю в стороне). В школу опять пошли учителя, что дает стране шанс. Но в последние два десятилетия сильно пострадало университетское образование, которое, как оказалось, вполне конкурентоспособно. Выпускники наших вузов успешно продолжают учиться и работать по всему миру, вы не найдете ни одного приличного западного университета, где бы в большом количестве ни преподавали российские профессора. Знаменитая Силиконовая долина во многом говорит по-русски. Только работают там, разумеется, не на Россию. Мы потеряли целое поколение преподавателей и ученых, которое разбежалось по более прибыльным профессиям, нежели наука, или по тем местам, где за науку платят. Довести уровень оплаты труда вузовских ученых до среднего по региону, а затем до 200% от среднего, что предложил Путин – перезревшая задача.

По понятным причинам с наибольшим интересом ожидалась статья Путина, посвященная политической реформе. По-моему, они вполне оправдали надежды тех, кто желает превращения России в

нормальное демократическое государство. Полагаю, шансы на это есть, и они повышаются. Не потому, что Путин или Медведев испугались Болотной (протесты скорее помогли консолидации пропутинского электората) или начали сильно прислушиваться к зарубежным критикам.

В теории демократического транзита существуют некие магические цифры среднего дохода на душу населения или некоей критической массы среднего класса, достигнув которых страна безболезненно формирует демократические институты. Логика здесь вполне понятна. Нищее население выберет таких кандидатов и курс, которые, скорее будут ориентированы на немедленное перераспределение, а не долгосрочное развитие. Не случайно, что даже в первых демократиях – США, Великобритании – избирательное право вводилось очень осторожно на основе высокого имущественного ценза. Позволю себе процитировать Фариду Закарию: «В Великобритании до реформы 1832 года избирательным правом располагали 1,8 процента взрослого населения. После нее эта цифра поднялась до 2,7 процента. После следующего увеличения числа имеющих право голоса в 1867 году она достигла 6,4 процента, после 1884 года – 12,1 процента.... В 1824 году, то есть 48 лет спустя после обретения независимости, лишь 5 процентов взрослых американцев приняли участие в выборах президента». Первой испробовала всеобщее избирательное право.... Россия – после Февральской революции 1917 года. Победу, как мы знаем, праздновали террористы-эсеры и большевики, а вовсе не либеральные конституционалисты. Впрочем, это уже не имело значения. США же и Англия стали демократиями в 1920–30 годы, когда предоставили избирательное право женщинам (а Соединенные Штаты еще и афроамериканцам в 1960-х).

Выводы о размерах доходов населения, необходимых для успешного демократического транзита, сделаны на основе, главным образом, опыта восточноазиатских «драконов» (Южная Корея, Тайвань), которые осуществляли ускоренную модернизацию жестко авторитарными методами, но по достижении относительно высоких показателей уровня жизни переходили к демократической модели. Какие это размеры? Цифры звучат разные, начиная от 6 тыс. долларов на душу. Егор Гайдар в свое время называл 15 тысяч. У нас десять лет назад было гораздо меньше. Сейчас, напомним, – 13,65 тысяч (и 17,75 по ППС). Россия созрела или почти созрела. Почти, потому что следует учитывать фактор огромной имущественной дифференциации. В принципе, при существующем уровне подушевых доходов можно рассчитывать на большую численность среднего класса, чем нынешние 25–30%. Увы, в России разрыв между богатыми и бедными, как в Америке, а не как в Европе. А это означает опасность классовой поляризации и очевидный левый крен в российской ментальности и политике. Но это означает и необходимость преодоления неравенства, что названо Путиным в числе приоритетных задач.

Развитые выборные процедуры исключительно важны с точки зрения обеспечения легитимности власти. Сейчас это – центральный вопрос политической борьбы: противники Путина в стране и за рубежом стремятся всячески его делегитимизировать, сторонники, напротив, придать его избранию максимальную законность. Уже одно это дает шанс на постановку эксперимента, имеющего принципиальное значение для становления полноценной демократической системы, под названием «Чистые выборы». И это тот редкий случай, когда тема пользуется консенсусной поддержкой в обществе.

Для придания выборам максимальной легитимности предлагаются беспрецедентно облегченные процедуры регистрации партий и их участия в общенациональных и региональных выборах (полагаю, даже слишком облегченные). Путин готов поддержать введение прямых выборов членов Совета Федерации, для чего, кстати, потребуется вносить поправку в Конституцию (выборы сенаторов предусматривались как разовая акция в ее переходных положениях). Возвращаются прямые выборы губернаторов, пусть и с возможностью президентского фильтра, который нужен, прежде всего, для предотвращения острых межэтнических конфликтов, в которые нередко превращались выборы в национальных республиках.

Демократизация, как показывает опыт других стран, сама способна сокращать сферу коррупционных отношений. Причем, лучше, чем репрессии: через большую гласность, создание механизмов обратной связи, журналистские расследования и т.д. Путин специально предостерегает: массовые репрессии могут породить еще большую коррупцию на поле защиты от репрессий. Упор в этом важнейшем вопросе премьер делает на механизмы, связанные с электронным правительством, с дистанционными формами оказания государственных услуг, которые исключают личный контакт чиновника и получателя услуг. Интересны предложения, связанные с возможностью для должностных лиц и руководителей госкорпораций на «коррупциоземких» должностях получать высокую зарплату в обмен на полную прозрачность в вопросах доходов и расходов.

Предлагается и такая беспрецедентная в мировой практике новация, как предоставление права законодательной инициативы 100 тысячам избирателей, собравшим за нее подписи в Интернете. Полагаю, будет много ерунды и популизма. Студенты захотят в сто

раз поднять стипендии, а пенсионеры – пенсии и т.д. Но будет и что-то ценное, людей по-настоящему волнующее. Возможность настоящей гражданской инициативы в рамках прямой демократии, безусловно, стоит лишних часов или даже дней работы депутатов Государственной думы.

Примечательно, что одну из первых программных статей Путин посвятил межнациональным отношениям. Вопрос, действительно, для России предельно острый. При том, что страна имеет огромный опыт многолетнего сожительства разных этносов. Более того, до последнего времени собственно этнические русские были меньшинством в стране – и в Киевской Руси, и в Российской империи, и в СССР.

Пролетарский интернационализм умер вместе с Советским Союзом, у многих людей возник идеологический вакуум, который обычно заполняется самыми простыми конструкциями. А что может быть элементарней конструкции «мы-они»? Националистические настроения стали следствием отсутствия более серьёзных ценностных ориентиров у большого количества наших сограждан. Но после распада СССР власть долго не замечала феномен роста русского и другого национального самосознания, смешивая его с махровым национализмом. А ведь национализм и национальное самосознание – не одно и то же. Первый – неприятие чужого. Второе – любовь к своему.

Возник лозунг «Россия – для русских», который для нашей страны весьма опасен. Конечно, для русских. Но не только, для многих других народов Россия тоже Родина, и другой у них нет. Кому будет лучше, если дальше последуют лозунги «Башкортостан – для башкир», «Якутия – для якутов», а «Ханты-Мансийский автономный округ – для хантов и манси». В этой логике – формула распада Рос-

сии. И Путин, признавая, в отличие от некоторых предшественников, национальные чувства русских, предостерегает от такой логики.

Мы всё ещё живём в плену представления о нации как общности, связанной с этничностью больше, чем с государственностью. Идеи, которые Путин предлагает – это единственно возможная формула существования России, которая всегда была многонациональным, полиэтническим государством. Стоит задача создания единой многонациональной российской нации, которая ощущала бы себя, своё единство не на этнической основе, а как нация гражданская.

Наибольшее внимание в статье о межнациональных отношениях привлек тезис о введении экзамена на знание русского языка для желающих работать в России, которых меньше не становится (по количеству трудовых мигрантов мы уступаем только Соединенным Штатам). Конечно, речь не идет о профессорах из Гарварда, которые читают в МГУ лекции на английском или собираются работать в Сколково. Но для многочисленных строительных и сезонных рабочих из бывших союзных республик, где русский язык некогда знали почти все, это требование нельзя считать чрезмерными. Конечно, организация соответствующих курсов и системы тестирования, через которые должны пройти миллионы, потребует колоссальных усилий. Но, очевидно, основную их часть должны брать на себя сами работодатели, заинтересованные в приезжих сотрудниках. Кстати, Фонд «Русский мир», который я возглавил с момента создания его Путиным в 2007 году, вместе с Федеральной миграционной службой уже организует языковые курсы для желающих ехать к нам на работу в Киргизии и Таджикистане.

Программа Путина в области безопасности чаще всего критикуется за «возвращение к милитаризму». В этой связи наибольшее раздражение вызывает цифра в 23 трлн. рублей, выделяемая на перевооружение армии на ближайшие 10 лет. Может кому-то она кажется колоссальной, замечу только, что она меньше годового бюджета Пентагона. И перевооружение начинается после длительного периода разоружения, причем, одностороннего. В свое время НАТО и Варшавский договор скрупулезно взвешивали свои силы, поддерживая военный паритет. Сегодня НАТО по боевым возможностям превосходит Россию как минимум в восемь раз, и на долю альянса приходится почти три четверти всех оборонных расходов на планете. Конечно, мы не ждем нападения. Но мы также знаем, в том числе, из утечек «Викиликс», что военное планирование против России на Западе ведется. Кстати, по темпам роста военных расходов Россия далеко не в лидерах. По этому показателю сейчас лидируют Китай, Южная Корея, Япония, Индия (если не считать Грузию, опережающую весь остальной мир с большим отрывом).

Очень многие в России, причем, не только оппозиция, желали бы немедленного перехода к профессиональной армии. Она у нас и так стремительно профессионализируется за счет роста числа контрактников. Но тут есть два подводных камня. Первый – профессиональная армия дорого стоит. А это значит, что оборонные расходы продолжат рост, а в их структуре все большая доля будет тратиться на зарплаты и квартиры, и все меньшая – на новейшее вооружение. Второй – профессиональная армия не решает проблему подготовленного резерва. Он не кажется лишним в условиях, когда в некоторых из соседних стран его количество измеряется десятками и десятками миллионов, готовых вступить в строй, если вдруг понадобится массовая

армия. Сейчас наша армия меньше даже северокорейской, и резерв ей нужен. Где и как его готовить? Поэтому премьер видит смысл в призыве, пусть и меньшем, чем сейчас.

Путин поставил и жирную точку в спорах (на мой взгляд, надуманных) о том, каким – отечественным или зарубежным – оружием будут оснащаться Вооруженные Силы. Зарубежные образцы, безусловно, нужны, чтобы оставаться в курсе новейших тенденций на рынке вооружений (даже СССР перед войной закупал у гитлеровской Германии за большие деньги все новинки военной промышленности, чтобы от них что-то позаимствовать для своей оборонки или придумать средства противодействия). Однако только производство вооружений в самой России, собственная военная промышленность способны гарантировать обороноспособность страны.

Полагаю, Россия вызывала бы куда меньше вопросов на Западе, если бы была, как, скажем, Польша. То есть, если бы посылала по первому свистку войска, куда скажут – в Ирак, Афганистан или, например, в Сирию. Если бы у нее не было собственной промышленности и банковской системы, а все бы они принадлежали транснациональным корпорациям. Но Россия относится к той немногочисленной группе стран, которые проводят суверенную внутреннюю и внешнюю политику, чем сильно раздражает тех, кто претендует на доминирование в мире. В вышедшей в этот понедельник завершающей программной статье ключевыми являются слова Путина о том, что «мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений. Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильно и твердо стоит на

ногах. Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь».

Еще одна «неприятная» особенность России: ее лидеры привыкли называть вещи своими именами. Интервенцию интервенцией, а не гуманитарной акцией. Войну войной, а не оказанием помощи мирному населению. Вмешательство во внутренние дела вмешательством во внутренние дела, а не поддержкой демократии. Путин дал, пожалуй, самую резкую и точную оценку недавней политики западных стран из всех лидеров на планете, которые предпочитают обычно не перечить сильным мира сего, называющим себя «мировым сообществом». Премьер дает понять, что Россия и ее партнеры не намерены поддерживать ошибочную, опасную для дела мира, противоречащую базовым принципам международного права политику. Он прямо критикует войну и разрушения в Ливии, страны, которая до этого была самой зажиточной на африканском континенте. Он предостерегает по поводу огромных негативных последствий дестабилизации Сирии или войны против Ирана.

Западные страны, переживающие серьезные экономические трудности, но обладающие огромными военными возможностями, развивают сейчас большую военно-политическую активность, как будто спешат осуществить необходимые им перемены в мире до тех пор, пока другие, растущие центры силы не обрели достаточной мощи, чтобы влиять на процессы в становящемся все более многополярным глобальном мире. В этом контексте большое значение имеет партнерство крупнейших развивающихся экономик в формате БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Страны эти еще притираются друг к другу, занимают не всегда солидарные позиции по международным вопросам, но они становятся

все более весомым фактором в деле продвижения принципов международного права, уважение законных интересов всех стран – больших и малых, их суверенитета.

Поворот России к востоку и югу, создание пояса добрососедства, единого экономического пространства с партнерами по СНГ и ОДКБ вовсе не означает конфронтации с Западом. Более того, Путин рассматривает Россию как неотъемлемую, органичную «часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации». Отсюда звучащая весьма революционно идея «Союза Европы», который охватывал бы территорию от Лиссабона до Владивостока и создавал общее пространство безопасности, экономического и энергетического сотрудничества, свободного передвижения людей. Полагаю, в нынешних условиях, когда Россия – крупнейшая страна европейского континента – встала на ноги, вовсе не выглядит экономическим карликом, как в 1990-е годы, укрепляет демократические институты и развивается быстрее остальных стран Старого Света, интерес к идеям создания «общего европейского дома» со стороны лидеров стран Евросоюза может оказаться большим, чем когда-либо в истории.

Оппозиция не устает повторять, что длительное пребывание одного человека у власти означает непременный застой и деспотизм. Это мнение историей – как мировой, так и российской – не подтверждается. Ни один из недолго правивших нашей страной лидеров серьезных следов в истории не оставил. За исключением, разве что, Владимира Ленина и Михаила Горбачева, но их след связан скорее с разрушением, нежели с созиданием. Зато все правители, которых традиционно относят к числу великих, осуществивших модернизационные рывки, – Петр I, Екатерина II, Александр II – находились у власти го-

раздо дольше Путина и проводили преобразования далеко не только на начальном этапе своего правления. Да и все крупнейшие политики мира XX века – Уинстон Черчилль, Шарль де Голль, Франклин Рузвельт, Конрад Аденауэр – избирались больше, чем на два срока. Кому в мире стало хуже от того, что в 1940 году в США на третий срок был переизбран Рузвельт и победа не досталась Уэнделлу Уилки, который был против вмешательства в европейскую войну? И кому стало хуже, что в 1944 году Рузвельта переизбрали на четвертый срок? А деспотами могут быть как правящие очень долго (Иван Грозный), так и совсем чуть-чуть (Павел I).

Реализация крупных стратегий требует времени. Первые два срока президентства Путина были временем восстановления управляемости страной, воссоздания ее государственности, поворота вспять тенденции к экономической деградации и распаду страны. Эти задачи, в основном, были решены к тому моменту, когда на Россию, как и на весь мир, обрушился экономический кризис, не нами сотворенный. Президентство Дмитрия Медведева носило во многом вынужденно антикризисный характер. С трудностями удалось справиться, причем так, что благосостояние подавляющей части населения не только не пострадало, а даже выросло. Хотя социальное самочувствие и ухудшилось.

Сегодня Россия стоит на рубеже, с которого возможен серьезный рывок в будущее, способный ввести страну в пятерку крупнейших экономик мира, в клуб развитых демократий. Именно это, а вовсе не застой, предполагает логика кандидата Владимира Путина.